



МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра русского языка и литературы

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему «Сопоставительный анализ образов животных
в русских и туркменских сказках»

Исполнитель _____ Ражапова Мукаддас Шерметовна
(фамилия, имя, отчество)

Руководитель _____ кандидат филологических наук, доцент _____
(ученая степень, ученое звание)

_____ Хельмянова Юлия Сергеевна
(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

Заведующий кафедрой _____
(подпись)

_____ кандидат педагогических наук, доцент _____
(ученая степень, ученое звание)

_____ Кипнес Людмила Владимировна
(фамилия, имя, отчество)

«__» _____ 2017 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ОБРАЗЫ ЖИВОТНЫХ В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ....	6
1.1. Образ лисы	11
1.2. Образ медведя	16
1.3. Образ волка	18
1.4. Другие животные	20
ГЛАВА II. ОБРАЗЫ ЖИВОТНЫХ В ТУРКМЕНСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ	22
2.1. Национальная специфика туркменского фольклора	22
2.2. Особенности туркменских сказок о животных	25
2.3. Традиционные мотивы туркменских сказок о животных	34
2.4. Образ лисы	36
2.5. Образ волка / шакала	38
2.6. Другие животные	41
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	44
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	46

ВВЕДЕНИЕ

Исторически связанные Россия и Туркменистан являются стратегическими партнерами и имеют давние дружественные отношения. В последнее десятилетие российско-туркменский диалог существенно активизировался. В своем выступлении перед представителями СМИ Министр иностранных дел России С. В. Лавров подчеркивает, что помимо экономических отношений между двумя странами «крупным блоком является наше гуманитарное сотрудничество, которое многогранно и опирается на системные договоренности по линии ведомств, занимающихся образованием, наукой, культурой. <...> Постоянно уделяется повышенное внимание поддержке русского языка, русской культуры в Туркменистане» [Министерство иностранных дел Российской Федерации http://www.mid.ru/ru/maps/tm/-/asset_publisher/32J0LjSL2Nmm/content/id/2038628]. Таким образом, между двумя странами ведется открытый диалог культур. В эпоху глобализации именно это понятие становится одним из центральных.

В современной науке взаимодействие языка, культуры и этноса входит в число важнейших языковедческих и социолингвистических проблем. Чтобы понять личность, принадлежащую другой лингвокультуре, важно осмыслить специфическое восприятие ею окружающей реальности, т. е. обусловленную историческими причинами картину мира, отображающую своеобразие культуры, менталитета, образа жизни, этических и эстетических взглядов народа.

Основой для взаимодействия между индивидами в культуре и основой диалога культур является текст. Русский философ и культуролог, создатель концепции диалогизма М. М. Бахтин в своем известном труде «Эстетика словесного творчества» подчеркивал, что каждый текст всегда диалогичен, направлен к другому, опирается на предшествующие и последующие тексты, созданные авторами, имеющими своё миропонимание, свою картину или образ мира, и в этой своей ипостаси текст несет смысл прошлых и последующих

культур [Бахтин 1979]. Наиболее ярко истоки национальной культуры народов и лингвокультурологическая специфика национальной картины мира отражены в фольклорных текстах.

Значимой частью фольклора любого народа являются сказки. Сказка – это тоже диалог: диалог сказочника с аудиторией и диалог сказочных персонажей. Изучению сказок посвящено большое количество филологических работ (А. Н. Афанасьева, К. С. Давлетова, В. М. Жирмунского, Е. А. Костюхина, И. П. Лупановой, Е. М. Мелетинского, А. И. Никифорова, В. Я. Проппа, В. Н. Топорова и др.), однако до настоящего времени не уделялось должного внимания исследованию русских и туркменских сказок в сопоставительном аспекте. Это обстоятельство подтверждает **актуальность** задуманного исследования.

Объектом исследования являются русские и туркменские сказки о животных. Под сказками о животных, вслед за А. Н. Афанасьевым, подразумеваются сказки, в которых животное является главным объектом или субъектом повествования [Афанасьев 1936, I, примечание к №№ 1—7]. По этому признаку сказки о животных могут быть отличаемы от других, где животные играют лишь вспомогательную роль и не являются героями повествования.

Предмет исследования – образы животных в русских и туркменских сказках в сопоставительном аспекте.

Цель выпускной квалификационной работы заключается в сопоставлении образов животных в русских и туркменских сказках на предмет их сходства и различия в культурологическом и функционально-семантическом планах.

В соответствии с целью были определены следующие **задачи**:

- изучить научную литературу по теме исследования;
- отобрать сказки о животных в русском и туркменском фольклоре;
- выявить основные животные образы в рассматриваемых текстах и описать их;

- определить специфику образов в тех и других фольклорных текстах с учетом национальной культуры, а также функционально-семантических особенностей их выражения.

Материалом для настоящего исследования послужили русские и туркменские сказки о животных, отобранные путем сплошной выборки из различных фольклорных источников.

Отсутствие лингвистических работ, направленных на сравнительный анализ образов животных в сказках русской и туркменской культур, подтверждает **научную новизну** исследования и определяет его **теоретическую и практическую значимость**. Материалы исследования и полученные выводы могут быть использованы при обучении туркменов различным филологическим дисциплинам русского языка, а также для ознакомления с туркменским фольклором русских филологов. Представляется, что изучение русских и туркменских сказок в сопоставительном аспекте способно содействовать успешному межнациональному диалогу культур.

При написании работы использовались описательный и сравнительно-сопоставительный **методы исследования**.

Структура работы. Выпускная квалификационная работа общим объемом 48 страниц состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

ГЛАВА I.

ОБРАЗЫ ЖИВОТНЫХ В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

Сказки о животных и птицах долгое время служили на Руси своего рода социальной, бытовой энциклопедией. В них осуждались лжецы, хитрецы, невежды, дураки, лентяи, воры, скупцы и др. Людские пороки выставлялись на позор и смех.

Стоит не согласиться с исследователями, видевшими в сказках о животных только иронию, спокойное, широкое и бессознательно-созерцательное эпическое начало. Сатира в этих сказках, по их мнению — «украшение чуждое и насильственное», а истинное их содержание допускает «множественность применения» [Аникин 1977: 22]. Первое утверждение легко опровергается смыслом сказок о животных, что касается второго, необходимо уточнить, в каких пределах сказка допускает множественность толкований иносказательного смысла.

Фантастические рассказы о животных отражали перипетии социально-классовой борьбы, они несут на себе ее отчетливую печать. Множественность толкований сказочных иносказаний возможна только в пределах ясного осознания той определенной жизненной основы, на которой возникло самое иносказание. Корыстолюбие лисы, жестокость волка и глупость медведя не есть общечеловеческие пороки. При анализе сказок обнаруживается, что эти черты присущи чаще всего определенным социальным группам людей.

Необходимо отметить условность названия сказок о животных. На поздних стадиях развития фольклора это не сказки о животных, это сказки о людях. «Во всякой сказке есть элементы действительности, – писал М. Горький по поводу, – если бы вы детям преподнесли сказку, где петух и кошка не разговаривают на человеческом языке, они не стали бы ею интересоваться» [Русское народное поэтическое творчество 1971: 13]. Сочетание этого вымысла с сатирой есть главная примета сказок о животных.

Поэтический стиль сказок о животных складывался под воздействием нескольких факторов: связи сказок с древними поверьями о животных, воздействием упрочившегося социального иносказания и сатирической устремленности и, наконец, под влиянием воспитательных целей, которые со временем укрепились в сказках о животных, – сказки предназначались часто детям.

То, что сказкам о животных исторически предшествовали рассказы о животных, подтверждается верным и точным воспроизведением некоторых существенных повадок зверей и после того, как сказки стали восприниматься как иносказания. Отсутствие отвлеченного басенного аллегоризма придает сказкам о животных емкий художественный смысл. Иносказания в сказках полнокровны, лишены абстрактности.

Народное искусство сочетает в себе изображение истинных повадок зверей с передачей иносказательного социального смысла повествования. Голодный кот Котофей Иванович — воевода из сибирских лесов кинулся, «начал рвать мясо зубами и лапами, а сам мурчит, будто сердится» [Русские народные сказки 1978: 190]. Реальное правдоподобие этой сцены не подлежит сомнению. А иносказательный смысл этого сюжета раскрывается в том, что мурчание кота медведь и волк воспринимают как бормотание: «Мало! Мало!» Медведь говорит:

- Невелик да прожорлив, нам четверым не съесть, а ему одному мало; пожалуй, и до нас доберется [Русские народные сказки 1978: 190-191].

Вот, оказывается, как жаден воевода. В сказках о животных сосредоточен житейски-бытовой, социальный опыт народа, в них отражается знание нравственной жизни и облика самых разнообразных людских типов. В богатстве смысла и содержательности бытовых и психологических деталей замечательное свойство сказок о животных.

Социально-критическое начало в сказках о животных породило множественные приемы сатирического изображения действительности. Эти приемы сопутствуют воспроизведению постоянной и неослабевающей борьбы

и соперничества зверей. Борьба, как правило, кончается жестокой расправой над противником или злой насмешкой над ним. Сказка не устает ставить осуждаемого зверя в смешное положение. Юмор сказок о животных чаще всего основан на передаче нелепых ситуаций, в которые попадает персонаж. Сатирическое начало обнаруживается и в самом тоне, в каком ведется сказочное повествование. Иронический замысел сказки иногда подчеркивается сплошной ритмизацией повествования. Рифма и созвучия появляются там, где этого требует ироническое развитие темы. Красно говорит лисица. «Сойди на землю пониже, – просит она петуха, – будешь к покаянию поближе, прощен и разрешен и до царствия небесного допущен» [Афанасьев 1957, I: 40].

Большинство сказок не прибегает к приему ритмического повествования, а использует богатства образности простой разговорной речи, составляющей основу словесной ткани каждой сказки. Язык персонажей воспроизводит бытовую речь людей разных сословий и разного индивидуального облика. Речевые реплики жизненно многообразны и характерны. Некоторые сказки могут целиком состоять из диалогов: «Лиса и тетерев», «Кочеток и курочка», «Бобовое зернышко» (или «Смерть Петушка»). В других же сказках диалоги составляют значительную часть текста. Диалогическая игра действительно ведет к появлению в сказках целого ряда моментов исполнительски-игрового искусства. Такие сказки, как «Волк и козлята», «Колобок», «Лиса, кот и петух», «Коза-дереза», включают в свой текст небольшие песенки. Сказочный образ параллельно может передаваться в мимике и жестах, но слово всегда воплощает в себе все богатство идей и образов повествования. Появление песенок в сказках о животных, по-видимому, следует объяснять развлекательной «установкой» рассказа сказочника на детскую аудиторию.

Сказке присуща простая композиционно-сюжетная основа. Часто встречается повторение главного эпизода повествования, что делает мысль ясной благодаря подчеркиванию сходства ситуаций и контраста следствий. Вывод в таком случае напрашивается сам собой. Композиция подобных сказок характеризуется нарастающим напряжением и усложнением действия и названа

специалистами «цепной» или «кумулятивной». Ее художественное назначение особое в каждом отдельном случае. Вместе с тем у нее есть и одно неизменное свойство: сказки с повторами содействуют пониманию и запоминанию, они облегчают ребенку усвоение смысла сказки, так как ребенок, естественно, воспринимает, прежде всего, сюжетное действие.

Сюжет в сказке разворачивается стремительно. Сломя голову бежит курица по воду: петух проглотил зерно и подавился, река воды не дала, просит дать ей листа с липки. Курица — к липке, липка не дает, просит принести нитку от девушки, и т. д. В конце концов, курица принесла воды, петух спасен, но скольким «лицам» он обязан своим спасением! («Бобовое зернышко»). Пошел град — курица с петухом решили: «Палят, стреляют, нас убивают» [Русские народные сказки 1978: 178]. Кинулись бежать, увлекая за собой всех встречных. Бегут, не переводя духа, некогда даже ответить, почему бегут. Бежали до тех пор, пока не свалились в яму («Звери в яме»).

Резкое разграничение положительного и отрицательного также присуще сказкам о животных. Никогда не возникает сомнения, как отнестись к тому или иному персонажу. Это не примитивность подачи жизненного материала, а та необходимая ясность оценки героев и их поступков, которая должна быть усвоена ребенком.

Давно отмечается схожесть сказок разных народов: повторяются сюжетные ситуации, действия персонажей. Однако при этом у каждого народа сказки особенные. Свой облик и у русских сказок. На сказках о косолапом медведе Михайле Ивановиче (или Михайле Потаповиче), который делит с мужиком вершки и корешки, о лисе Лизавете, коте-бурмистре из сибирских лесов, о волке, который идет к присяге и целует капкан лежит печать старинных обычаев, порядков, русского быта.

Известный исследователь русского фольклора В. Я. Пропп в своем труде «Фольклор и действительность» отмечал, что по данным указателя Аарне — Томпсона в мировом фольклоре существует около 140 типов сказок о животных. Русский сказочный животный эпос не очень богат, в нем выделяется

около 60 типов сказок, что составляет лишь 10% от общего количества русских сказок. Однако при этом данный материал отличается большой самобытностью [Пропп 1968].

Исследуя сказки о животных, А. И. Никифоров выделяет две основных группы жанров: «натуральные», или «естественные» жанры и пародийные сказки, т. е. «пародии на натуральную сказку» [Никифоров 2008в: 29]. К первой группе А. И. Никифоров относит драматические сказки, которые имеют в своей структуре элементы театральности («Колобок», «Теремок» и т. д.), кумулятивные сказки («Коза с орехами», «Петушок подавился» и т. д.), «игровые» сказки («Сорока-белобока») и «басенные» сказки, т. е. с преобладанием животных персонажей и нравоучительным содержанием [Там же: 30].

В качестве основных персонажей в сказках о животных преобладают дикие и, особенно в русском эпосе, лесные животные: лиса, волк, медведь, заяц, а также дикие птицы (цапля, журавль, дятел, дрозд, ворона). Гораздо реже встречаются домашние животные (козел, баран, свинья, бык, собака, кот, лошадь и домашние птицы, преимущественно петух). Домашние животные появляются вместе с лесными и не являются самостоятельными персонажами. Сказки, посвященные только домашним животным, в русском фольклоре отсутствуют. Можно сделать вывод, что животный эпос – это эпос о диких лесных животных.

Нередко персонажи животных сказок делят на две группы в зависимости от частотности их появления в сказках. К «главным» персонажам русских народных сказок относятся лиса, медведь, волк, заяц и петух, остальных животных относят к «второстепенным» персонажам.

Анализируя сказки о животных, Ю. Мариничева приводит следующие данные о частотности появления тех или иных «главных» персонажей: лиса (около 50 % анализируемых текстов), волк (42 %), медведь (28%), заяц (25 %), петух (19 %) [Мариничева 2011: 225]. Интересно замечание исследовательницы, приводимое в статье «Русские сказки о животных: система

персонажей», что животные в русских сказках «являются не только персонажами, но и вполне определенными стратегиями поведения, носящими имя лисы, волка и т. д.» [Мариничева 2011: 223]. Подтверждая правомерность такой точки зрения, Ю. Мариничева замечает, что в реальной речи нередко конкретные человеческие действия и поступки связываются с именами животных. Например, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля указывается, что лексема *лиса* может выступать как прозвище человека: ЛИСА, лисица, ж. лис, м. лиска, лисичка, лисочка, лисанька, хвостуха <...> Лиса, лукавый, хитрый человек, пролаз, проныра; корыстный льстец [Даль 1881: 254]. Показательно, что в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера приводится глагол *лисить* ‘льстить’ и прилагательное *лисоватый* ‘хитрый, лукавый’ [Фасмер 1996: 500]. Таким образом, в идиоматических сравнениях типа *вести себя как медведь (лиса / заяц)* поведение человека сравнивается с поведением сказочного персонажа, а не с поведением животного.

Итак, перейдем к описанию главных персонажей русских сказок о животных, обратившись к конкретным примерам сюжетов животного эпоса, ярко иллюстрирующих образы животных.

1.1. Образ лисы

В «Сравнительном указателе сюжетов. Восточнославянская сказка» лиса отмечена как наиболее популярный персонаж в русских народных сказках о животных: из 99 сюжетов о диких животных ей посвящено 69, что составляет практически 70 % [Сравнительный указатель сюжетов... 1979].

Лиса сделалась излюбленным героем русских сказочных историй о животных, как, впрочем, и всех восточнославянских сказок: Лиса Патрикеевна, лисица – маслина губица, лиса-кумушка, Лисафья. Ее проделки и проказы являются основой многих сюжетов. Она обманывает мужика, прикинувшись мертвой, чуть не губит волка, научив его ловить рыбу хвостом («Лиса и волк»). Она пользуется доверчивостью петуха («Кот, петух и лиса»); выгоняет зайца из

любяной избы («Лиса и заяц»); меняет скалку на гусочку, гусочку – на овечку, овечку – на бычка; грозит дрозду съесть птенцов, заставляет его поить, кормить и даже смешить себя («Лиса и дрозд»). Лиса выходит замуж за Кота-воеводу в надежде прибрать к рукам власть во всей лесной округе («Кот и лиса»); пытается научиться летать («Как лиса училась летать»). Лиса велит волку идти к присяге, чтобы увериться, действительно ли на овце кафтан-то волчий. Подвела его к капкану и говорит; «Целуй присягу». Волк сдуру сунулся в капкан и попался («Овца, лиса и волк»). Лиса крадет припасенный мед («Медведь и лиса»). Лиса – хитрая и корыстная обманщица, притворщица, воровка, злая, лстивая, расчетливая, злопамятная, неверная, ловкая, мстительная, жестокая. Во всех сказках она всюду верна этим чертам своего характера.

Первым в «Сравнительном указателе сюжетов» отмечен следующий. Лежит на дороге лиса – притворилась мертвой; увидел ее дед, смекнул – сгодится на воротник: «Вот будет подарок жене!» Взял лису, положил на воз, а она улучила время и ну бросать из воза рыбу – рыбку за рыбкой. Выбросила всю и сама ушла, обманув деда.

Лиса собрала рыбу и стала ее есть. Волк, пробежавший мимо, увидел лисицу и говорит:

- Здравствуй, сестрица!

И «сестрица» отвечает:

- Здравствуй, братец!

Увидев у лисы рыбу, волк стал просить:

- Дай мне рыбки!

Но плутовка лиса не для того рисковала и хитрила, чтобы делить с кем-нибудь свою добычу.

Она говорит:

— Налови сам. Ступай на реку, опусти хвост в прорубь, сиди да приговаривай: «Ловись, рыбка, и мала и велика! Ловись, рыбка, и мала и

велика!» Рыба к тебе сама на хвост нацепится... Да смотри, сиди подольше, а то не наловишь [Русские народные сказки 1978: 29].

Этот сюжет наглядно демонстрирует основную черту характера, присущую лисе – хитрость. И действительно в сознании носителя русской культуры лиса ассоциируется с хитростью, плутовством, обманом, что подтверждается данными «Русского ассоциативного словаря» под редакцией Ю. Н. Караулова: из 102 реакций на стимул «лиса» 21 – «хитрая» [Русский ассоциативный словарь 2002].

Более двухсот лет назад М. В. Ломоносов указывал на важное значение сказочного вымысла. Ученый отмечал, что издавна в сказках различных народов мира «бессловесные животные» владеют словом. Фантастический вымысел, писал Ломоносов, есть «идея, противная натуре или обыкновениям человеческим» [Русское народное поэтическое творчество 1971: 78].

Действительно, фантастика неправдоподобна, противоположна тому, что есть в жизни, в природе. В сказках всегда повествуется о чем-то невероятном, невозможном в реальной жизни, но вместе с тем фантастический вымысел заключает в себе, как говорил Ломоносов, «идею обыкновенную и натуральную» [Русское народное поэтическое творчество 1971: 79], то есть в вымысле есть и правда.

Сказки, повествующие о животных, воспроизводят типичные ситуации человеческой жизни. Действия зверей откровеннее обнажают негуманные стремления, помыслы, причины поступков, совершаемых людьми. Это выразительный художественный прием. Ломоносов писал, что, благодаря фантастическому вымыслу, «обыкновенная и натуральная идея» [Там же: 79], то есть жизненная правда, выражается «сильнее», чем, если бы повествование велось без вымысла. Таким образом, история волка и лисы, кота и лисы, петушка, козы-дерезы, козла, журавля и цапли, вороны и рака, тетерева, лягушки, мышки и других зверей, птиц, с которыми случается удивительное, – это истории, в которых есть место не только для забавы, но и для выражения серьезного смысла.

Выросла репка такая большая, что дед один не смог вытянуть ее. Позвал он на помощь бабуку – опять никак не вытянуть. Позвали внучку, затем Жучку, потом кошку – безуспешно. Позвала кошка мышку. Потянули – вытянули. Конечно, все это одна забавная выдумка, но и у этой истории есть смысл: не хватало только мышьиной силы, чтобы вытянуть репку. Оказалось, что никакая, даже самая малая сила в деле не лишняя. Наоборот, бывает, что ее-то и не хватает для достижения результата.

Катится по дороге колобок и поет песенку: всюду ему удача — от дедушки, от бабушки ушел, не съели. От зайца, от волка, от самого медведя ушел – и так уверился в своей удачливости, что дерзнул сесть лисе на язычок. Она его – ам! – и съела. Вот что случилось с неосторожным колобком: он забыл, что замешен на сметане, изжарен в масле, что всем лаком.

Напугала лиса дрозда до смерти. Согласился он накормить лису. Захотела лиса пить – он напоил ее. Захотела лиса смеяться – насмешил ее. Так понравились лисе удовольствия, что сама велела напугать себя. Навел на нее дрозд собак. Едва ушла от них лиса и, досадуя на хвост за то, что мешал ей бежать, дала собакам разорвать себя. Поучительная для глупцов история!

Лиса рассказывает тетереву о новом указе – теперь птицам можно никого не бояться, гуляй себе по лугам: «Нынче уже звери друг друга не трогают».

– Вот это хорошо, – сказал тетерев, – а то вот собаки бегут; кабы по-старому, тебе бы уходить надо, а теперь тебе бояться нечего.

Бежала лиса с позором, хотя и тут нашлась – успела сказать, что, может быть, собаки указа не слышали [Русские народные сказки 1978: 41]. Не удалось лисе сманить тетерева на землю. Хитрецу нет веры.

Вот лиса подделалась под тон гостеприимной и щедрой хозяйки-кумы и зовет журавля в гости:

— Приходи, куманек, приходи, дорогой! Уж я тебя угощу!

Журавль пришел на «званный пир».

А лиса за столом хлопочет:

— Покушай, голубчик куманек,— сама стряпала.

А каша-то размазана по тарелке, журавлю не съесть ее.

Лиса лицемерит:

— Не обессудь, куманек! Больше потчевать нечем.

Журавль не остался в долгу — оплатил за насмешку, позвав лису в гости и угостив крошкой, налитой в кувшин с узким горлом:

Лиса и так и эдак, но никак не достать ее [Русские народные сказки 1978: 53].

В народном обычае вести дружбу, а когда добрым расположением пренебрегают, то дело оборачивается теми отношениями, про которые пословица говорит: «Как аукнется, так и откликнется».

Конечно, и у других народов столь же обычны и гостеприимство, и дружество, и осуждение тех, кто попирает добрые обычаи, но сказки каждого народа говорят об этом по-своему. Именно о таком проявлении национальных особенностей в художественном творчестве писал А. С. Пушкин: «Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» [Народные русские сказки 1979: 4].

Стиль и язык отражает особый склад русской сказки. Так, в сказке «Лиса-исповедница» говорится: «Однажды лиса всю большую осеннюю ночь протаскалась по лесу, ничего не евши. На заре прибежала она в деревню, взошла на двор к мужику и полезла на насест к курам» [Русские народные сказки 1978: 7]. Характерные простые слова и обороты отмечены таким своеобразием, что их нельзя заменить ни на что другое, ни одного из них нельзя переставить на другое место, не утратив своеобразие стиля. Попробуем сказать по-другому: «Один раз осенью лиса проходила в лесу без пищи. Утром пришла она в деревню и полезла в курятник» [Там же: 7]. Смысл остался, а сказки не стало, поскольку выражения сказочника запечатлевают непередаваемые другими словами художественные оттенки. Здесь все важно: и то, что лиса всю-то томительную, долгую, темную, «большую осеннюю ночь» пробродила по лесу, и не проходила, а «протаскалась... не евши» [Там же: 7]. Сказочник явно

не жалеет лису: про того, кому сочувствуют, не скажут: «протаскалась». Поутру, при свете зари лиса «взошла на двор» к мужику и не просто оказалась в курятнике, а «полезла» туда – полезла сразу: ведь голодная.

Особая манера рассказывания проявляется в каждом слове и обороте. Заметна устойчивая привычка сказочника ясно и твердо определять свое отношение ко всему, о чем заходит речь. Рассказчику было хорошо знакомо томление долгой голодной осенней ночи и то, как мало радуется холодная утренняя заря. Это ощущение отразилось в сказке, как и в песне о тоскливой осенней ночи «Эх ты ноченька, ночка темная, ночь осенняя...» [Там же: 7]. В стиле и смысле сказок оттеняется их речевое своеобразие, создающее впечатление народной неповторимости сказок.

Добавим, что в литературе о сказках нередко встретишь утверждение, что сказками о животных, в том числе и теми, которые говорят о плутовстве хитрой лисы, народ как бы осудил общечеловеческие пороки. С этим мнением можно согласиться только наполовину, поскольку сказки, как всякое древнее произведение фольклора постепенно теряли черты, связывающие их только с каким-либо одним историческим периодом времени, приобретая емкий всеобщий смысл, художественную соотнесенность с целым рядом аналогичных социальных явлений. Однако это не значит, что они исконно имели в виду общечеловеческие пороки.

1.2. Образ медведя

Особенности сказок о животных проявляются, прежде всего, в специфическом фантастическом вымысле, корнями уходящем в анимистические и антропоморфические представления людей, приписывавших животным способность думать, говорить и разумно действовать.

При раннеродовом строе почти повсеместно была распространена вера в родственные связи между людьми и каким-либо видом животных. Животное считалось родоначальником – тотемом. Почитаемое тотемное животное нельзя было убивать – оно покровительствовало роду. Сохранились следы тотемизма и

в суевериях русского народа. В прозвищах медведя у славян запечатлены представления о кровно родственных отношениях человека с медведем. У гуцулов медведя зовут «вуйко» (ср. русское «уй» – дядя по матери). У русского населения медведь – «дедушка», «старик». Верили, что медведь может помочь человеку вывести заблудившегося из леса. Считали, что в медвежьей лапе скрывается таинственная сила: когти медведя, проведенные по вымени коровы, будто бы делали ее дойной, лапу вешали во дворе «от домового» или в подполье – «для кур» [Попова 1936: 78–83]. Археологи нашли и прямые следы культа медведя. В могильниках Ярославского края обнаружены просверленные медвежьими зубами и ожерелья из звериных зубов, имевших в древности значение талисманов. У славянских народов существовали такого рода представления и о других животных.

Образ медведя является характерным для русских народных сказок. Однако в сознании носителя языка чаще возникают ассоциации не с его характером, а с образом могучего, сильного животного. В «Русском ассоциативном словаре» под редакцией Ю. Н. Караулова: из 103 реакций на стимул «медведь» наиболее частотными оказались «бурый» (12) и «косолапый» (11). Что касается характерных черт, то медведь ассоциируется не только с устрашающей силой, но также с неотесанностью и неуклюжестью [Русский ассоциативный словарь 2002].

В русской культуре медведь – зверь высшего «ранга». Медведь – самый сильный лесной зверь. Это иерархическое положение медведя можно объяснить связью с традиционными досказочными тотемическими преданиями, в которых медведь занимал самое высокое и почетное место. Во времена сложения сказки как художественного жанра в медведе стали видеть воплощение государя – владыки округа, всякого человека с большими государственными полномочиями.

Известная сказка о том, как медведь с крестьянином поделили урожай, также подтверждает эту мысль. Уговор у мужика с медведем был такой: «Мне корешок, а тебе, Миша, вершок». Посеянная репа взошла, выросла — медведь

получил ботву. Медведь решил быть умнее. Посеяли пшеницу, Медведь говорит: «Подавай мне корешки, В себе бери вершки» [Зеленин 1914]. Так и поступили. Медведь вновь остался ни с чем. Медведь не знает, что и как растет. Он чужд мужичьей работы. Глупость медведя – глупость располагающего властью, но мало осведомленного существа.

Среди сказок о животных, описывающих данного персонажа, выделяется «Сказка о медведе», который отомстил мужику и бабе за свою отрубленную лапу. Медведь сломал липу, сделал себе деревянную ногу, пошел к мужику с бабой и запел:

Скрипи, нога,

Скрипи, липовая!

И вода-то спит,

И земля-то спит...

Медведь вломился в избу и съел своих обидчиков [Зеленин 1914]. Эта сказка имеет следы древних поверий: медведь отомстил по всем правилам закона рода.

Появлению собственно сказок о животных предшествовали связанные с поверьями рассказы, в которых действовали будущие главные персонажи. В этих рассказах, еще не имевших иносказательного смысла, в образах животных изображались именно животные. Это не было еще искусство в прямом смысле слова, поскольку они имели практическое, жизненное назначение: давали советы и учили людей, как надо относиться к зверям. Такова была начальная стадия развития фантастического вымысла, позднее усвоенного сказкой о животных.

1.3. Образ волка

Волк, как и медведь, предстает в народных поверьях как уважаемое животное. Существо враждебное и опасное, волк вызывал почтение и страх. Волк – существо хитрое, умное, злое. Между тем в сказках волк глуп, его легко обмануть. Нет, кажется, такой беды, в какую бы не попал этот незадачливый

зверь. Лиса в древности была существом, чьи зубы могли служить оберегом. Такое отношение к лисе противоречит откровенной насмешке, с которой рассказывается в сказках о промахах и неудачах лисы. Различие поверий и сказок весьма существенно. Только поняв его причину, мы сможем выяснить природу народных сказок о животных.

Позднее, с отмиранием культа животных, в сказку стало входить и ироническое изображение смешных повадок животных. Эти новые рассказы изображали еще зверей, а не людей. Иносказательный смысл чужд и этим рассказам. В русских сказках едва ли можно найти отчетливые следы этого периода в развитии народного сказочного баснословия. Отрицательное изображение зверей в сказках есть традиционная черта, усвоенная от той поры, когда древнее почитание зверей сменилось новым отношением к ним в результате возросшего жизненного опыта народа. История «животной» сказки началась с момента, когда прежние рассказы стали терять связи с древними представлениями о животных. Образ животного в повествовании стал восприниматься как иносказательное изображение человека.

В классовом обществе древний вымысел принял вид иносказаний и стал служить выражением классово-социальных симпатий и антипатий. Животные стали олицетворять реальных носителей тех нравов, которые были чужды массе народа и осуждались им. Народ, поставленный господствующим классом в подчиненное положение, превратил сказку в острое сатирическое произведение. Именно на эту черту народных сказок указал А. М. Горький в письме к собирателю адыгейского фольклора Н. Максимову: «Очень интересна и «Сказка о зайчихе, лисе и волке», помощнике старшины, она обнажает социальные отношения людей, чего обычно в сказках о животных не видят» [Максимов 1957: 4].

Чаще других зверей лиса обманывает и жестоко смеется именно над волком. Феноменальная глупость, которой наделен волк в сказке, – свойство, порочащее волка. В таком изображении выразились не столько реальные особенности того человеческого типа, который волк олицетворяет, сколько

отношение народа к нему. Нередко сказка кончает свое повествование рассказом о гибели волка. Волк умирает жестокой смертью, чтобы в следующей сказке ожить и вновь принять злую смерть. За проявленное неистребимое зло народ всегда казнится волка.

Волк пожирает козлят («Волк и семеро козлят»), хочет разорвать овцу – снять с нее свой «тулуп» («Овца, лиса и волк»). Выпущенный мужиком из мешка, вместо слов благодарности волк говорит; «А что, мужик, я тебя съем!» («Старая хлеб-соль забывается»). Волк откармливает тощую и голодную собаку с тем, чтобы ее сожрать. Первое, что он говорит при встрече с козлом: «Козел, а козел, я пришел тебя съесть» («Волк-дурень»). Ненасытная жажда крови, черты насильника, который признает одно право – право сильного, право острых зубов, – без этой черты волк не волк. В сказке «Ненасытный волк» волк пришел ко «дворцу, соломенному крыльцу» и завыл:

Хорошо, хорош дворец,

Соломенный крылец... [Зеленин 1914]

В волчьей песне перечисляется все, что есть у крестьянина: семь овец, жеребенок, бык-пестряк, коровушка-мыкушка, свинья, чешка-решка, кошка-судомойка, собачка-пустолайка, парнишка и девушка. Волк требует себе сначала овцу, за ней другую, всех перебрал, добрался, наконец, и до людей. Всех погубил – и старика бы съел, если бы тот не взялся за дубину. Конечно, сказка имеет в виду бесконечные поборы, которыми обложили крестьянина его угнетатели. Волк – это боярин, барин. Народ сравнил образ действий угнетателя с волчьим.

1.4. Другие животные

Роль слабых в русских народных сказках о животных выполняют заяц, лягушка, мышь и дрозд. Они служат на посылках, их легко обидеть. Социальный смысл свойствен и этим сказкам. Из домашних животных и птиц положительными героями сказки являются кот и петух. Кот бескорыстен в дружбе и трижды спасает петуха от смерти. Воинственный петух готов прийти

на помощь всякому обиженному. Однако положительность этих персонажей сказочного повествования весьма условна. Сказка о том, как петух выгнал лису из заячьей избы («Лисица, заяц и петух»), в основе своей – веселая юмореска. Ирония состоит в том, что петух – лисья пожива – сумел напугать любительницу куриного мяса. Сказка «Кот на воеводстве» делает запечного жителя героем по стечению случайных обстоятельств. Только в сказке «Кот, петух и лиса» кот действительно герой. Надо полагать, что эта сказка с самого начала специально предназначалась для детей.

Сказка про испуганных зверей, сказка о зимовье быка, свиньи, кота и петуха и некоторые другие отмечены антагонизмом домашних и диких зверей. Если принять во внимание, что обитатели лесов иносказательно изображали сословную верхушку общества, а домашние животные нераздельно связаны с крестьянским хлевом, двором, то этот антагонизм станет понятным.

Таковы главные образы русских народных сказок о животных.

Подведем итог. Сказки о животных – сказки-иносказания. Их вымысел тесно соотнесен с реальностью. Сказки этого рода воспроизвели действительность в условной поэтической форме, исторически сложившейся в тесной связи с древнейшими представлениями людей. В современных сказках под личиной животных действуют люди. У сказок о животных такое нравственно-этическое, общественное и бытовое содержание, которое по своей природе требует полного или частичного использования фантастики. Сказки о животных – народная бытовая энциклопедия, которая собрала вместе все пороки тех, чья жизнь, быт, нравы и привычки были чужды человеку труда. Сказки выставили их на всеобщее обозрение и смех.

ГЛАВА II.

ОБРАЗ ЖИВОТНЫХ В ТУРКМЕНСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

2.1. Национальная специфика туркменского фольклора

Литература туркменского народа уходит корнями в далекое прошлое. Чтобы понять национальную специфику литературы туркменского народа, надо знать его жизнь, особенности его исторического пути, его культуру.

На протяжении своей истории Туркменистан испытывал тяжелые превратности судьбы, драматизм которой зависел от положения Центральной Азии на оживленных торговых путях. История сталкивала племена, скрещивала языки, взаимно обогащала разные культуры, междуусобицы же и захватнические войны превращали в руины города и государства.

Было время, когда оседлая часть населения говорила на древних иранских языках. Но когда в VI веке на земли Туркменистана проникли различные многолюдные тюркоязычные племена Центральной Азии, то получил широкое распространение тюркский язык, что и определило характер культуры туркмен.

«Таким образом, туркменский народ сложился в результате смешения древнейшего ираноязычного населения страны с тюрками, в этногенезе которых преобладали огузские племена. Этот процесс был весьма длительным и наложил определенный отпечаток на культуру, в том числе на фольклор и литературу туркмен» [Героглы 1976: 3].

Начало туркменской литературы в её устном народном творчестве. И, действительно, фольклор — бессмертная поэзия, откуда берет истоки каждая литература.

Фольклор — своеобразное художественное выражение мировоззрения народа на различных этапах общественного бытия. Вместе с тем, народное творчество — один из художественных способов изображения реальной действительности, быта и жизни народа, идейное оружие в его многовековой борьбе за светлое будущее. Приемы изображения действительности и формы выражения народных чаяний в фольклоре различны и зависят от природы

каждого жанра или отдельного вида. Основными жанрами фольклора являются сказки, сказания, пословицы и поговорки, прибаутки и т.д.

Невозможно переоценить значение фольклора и его влияние на развитие туркменской литературы. Устное народное творчество туркменского народа представлено пословицами и поговорками, народными дестанами, героическим эпосом, сказками.

В устном поэтическом творчестве туркмен выделяются две различные по своему характеру культуры: иранская и тюрко-огузская. Элементы иранской культуры сохранились преимущественно в эпических произведениях (дестане, сказках), отчасти в пословицах, поговорках, обрядовых и календарных сказках.

В туркменских сказках, как и в сказках других народностей, можно выделить присказку, зачин, концовку и формулы общих мест. Из этих элементов наиболее редкое явление в туркменских сказках – присказка. Она встречается довольно редко, что её наличие считается почти исключением. В противоположность присказки зачин представляет уже типичное явление. Традиционная формула зачина туркменских сказок: «Бир бар экен, бир ёк экен» в буквальном переводе: «Один был, другой не был» или в смысловом: «Неизвестно, было бы или не было». Такая формула зачина характерна почти для всех восточных сказок.

Туркменские народные сказки по широте тематики, идейной направленности, по разнообразию характеров основных героев, системы образов и эпизодических персонажей, по функции «волшебных» предметов, специфике и многообразию поэтических средств составляют поистине подлинные шедевры национального фольклора. Всесторонне и глубоко изучая их природу, нетрудно убедиться в правомерности слов А. М. Горького о том, что, «...сказки с изумительным совершенством выражают стремление трудового народа отдаться очарованию сладких вымыслов, свободной игре слов, выражают буйную силу цветистой фантазии Востока» [Горький 1929, I: 8]. Эти слова великого писателя в равной мере относятся и к туркменским народным сказкам. В туркменской фольклористике, являющейся детищем

великой истории, имеются работы, освещающие ряд важных вопросов о природе, народных сказок [Там же: 8].

До сих пор изучение туркменских сказок не носило систематического характера. В основном велась и ведется работа по их сбору и публикации. Изданы многочисленные сборники сказок на туркменском и русском языках. Отдельные издания предварены вступлением или предисловием, в них содержатся ценные наблюдения и выводы о природе туркменской сказки, её жанровом своеобразии, идейном содержании и тематике, ее роли и функции в жизни народа на протяжении многих веков.

Однако многие проблемы остаются неразработанными. В настоящее время на первый план выдвигается задача изучения поэтики туркменских сказок, соотношения в них сказочной фантастики и действительности, взаимосвязи данного фольклорного жанра с литературой, место и роль в нем народной сатиры, специфики системы образов сказочной сатиры и т. д.

Проблема образов в туркменской сказке, для решения которой потребовалось бы освещение таких важных вопросов, как взаимоотношение народной сатиры с различными жанрами туркменского народного творчества, а в целом и с разновидностями сказок в частности, значение и роль сатиры в раскрытии идейно-тематического содержания произведения, в композиционном построении и развитии сюжета, до сих пор специально не исследована.

Все это никогда не умаляло интереса туркменского народа к сказке, и было очень веской причиной для того, чтобы сказки, в том числе о животных, широко распространялись у туркмен. Однако, некоторые старики вспоминают, что раньше (очевидно, когда туркмены занимались в основном скотоводством) о животных рассказывалось гораздо больше сказок. Сказки о животных стали забываться в последние десятилетия. Молодёжь слушает их в настоящее время не так охотно, предпочитая им похождения Алдар-Кёсе или рассказы об умном пастухе, о смелом царевиче и т. п.

2.2. Особенности туркменских сказок о животных

Сказки о животных, по мнению многих исследователей, развивались из наиболее древних сказаний охотничьего периода и представляют собой остатки анимистических и тотемистических воззрений первобытного человечества.

Интересно по этому поводу высказывание Э. Тейлора: «Понятие об абсолютном психологическом различии между животным и человеком, столь распространенное в цивилизованном мире, едва ли может сложиться у примитивных обществ. Люди, которым крики животных и птиц кажутся похожими на человеческую речь, а их поступки также руководимы мыслями, как и у человека, совершенно логично допускают существование души у зверей, птиц и пресмыкающихся, наравне с людьми. Примитивная психология должна по необходимости признавать в животных те же характерные особенности, которые приписываются его человеческой душе, а именно: жизнь и смерть, волю, суждение и способность видеть призраки в видениях и во сне...» [Тейлор 1939: 285].

На этой почве, возможно и зародились первые рассказы о животных, которые, отражая взгляды на животных людей доклассового общества, может быть, имели магическую функцию, аналогично с рисунками животных, в изобилии покрывавшими стены пещер, служивших жилищами для первобытного человека.

Заключая в себе пережитки былого мировоззрения, отражая самые древние верования человека, эти рассказы приспособлялись впоследствии к новым условиям жизни, изменяющимся с каждой эпохой. В волшебных сказках отразилась иная сторона этого мировоззрения – обожествление животных, их культ как предков, и могущественных духов-покровителей; отсюда вера в оборотничество, также сформировавшаяся на базе тотемических представлений.

Наглядно сказываются пережитки тотемизма и в том значении, в котором шерсть и кости верблюда, барана, собаки и лошади, употребляются как амулеты, как обереги, а также то огромное значение, которое они имеют в

народной медицине туркмен, в её лекарственных снадобьях, кое-где ещё употребляемых и теперь.

Несомненно, что тотемизм остался на орнаменте вышивок и ковров, на украшении могил черепами, хвостами и рогами домашних животных. Можно представить и древнее табу в делении животных на «чистых» и «нечистых», в пищевых запретах, не позволяющих есть мясо отдельных животных, запретах, которых и теперь придерживаются не только люди старшего поколения, но и молодежь.

Сказки о животных более примитивны в композиционном отношении, чем сказки волшебные и новеллистические, они, как правило, более коротки. Действие в них развивается в высшей степени просто.

Одна из характерных особенностей сказок о животных— аллегоричность (представители животного мира, как правило, олицетворяют разнообразные типы людей). В большинстве случаев такие сказки носят иносказательный характер; их истинное содержание часто раскрывается различными средствами народной сатиры. Сюжетная фабула сказок почти всегда оформляется «скрытым» приемом сатиры. Это дает возможность заключить, что своеобразное «сочетание... вымысла с сатирой есть главная примета сказок о животных» [Аникин 1959: 94].

Вместе с тем необходимо отметить, что приведенное заключение относится непосредственно к периоду окончательной отшлифовки и социального осмысления сказок о животных. Как и многие другие виды словесного искусства, эти сказки прошли довольно сложный путь развития и не сразу оформились как общественно-социальное явление. Иначе говоря, в момент возникновения они ещё не несли иносказательной нагрузки и не заключали в себе внутреннего социального смысла. Их задачей было показать существенные черты характера отдельных представителей животного мира и их естественные взаимоотношения.

Однако в период последующего их развития и формирования в них начинают выражаться и чувства самого человека, его отношение к тому или

иному виду животного. Сказки этого цикла художественно отражают борьбу за существование. «Безобидный» юмор начинает приобретать острую социальную направленность и классовый характер. Движущей силой такой метаморфозы являлась сама жизнь: со сменой одной общественной формации последующей всё более оттачивалось сюжетное оформление сказки, её содержание приобретало более острый, социально-осмысленный характер.

И, наконец, с возникновением классового общества выкристаллизовывается классовая сущность сказок о животных. Герои сказок перестают быть только животными, и каждый из них символизирует тот или иной тип людей, принадлежащий к разным слоям общества.

Усиливается социальная заостренность сказок – они становятся средством басенного и аллегорического отражения объективной действительности. А «появление социального аллегоризма, родившегося при тех исторических обстоятельствах, которые способствовали укоренению в сказках социально-критического начала, привело к изобилию многочисленных и разнообразных приемов сатирического изображения действительности. Эти приемы способствуют воспроизведению постоянной и неослабевающей борьбы и соперничества зверей» [Аникин 1959: 96].

В этой борьбе участвуют, как правило, две стороны. Сильные звери олицетворяют обычно представителей господствующего класса. Но не всегда им удается одержать победу над слабыми, символизирующими социальные низы общества, и, наоборот, традиционно они становятся жертвами своей глупости. Глупость же, по словам Н. Г. Чернышевского, является предметом наших насмешек, главным источником комического, одним из основных объектов как народной сатиры в целом, так сатиры и юмора в сказках о животных. При этом глупость сильных животных отчетливо проявляется в контрасте с умными, хитрыми, находчивыми и дружными, хотя и физически слабыми животными. Как правило, борьба разворачивается чаще всего между дикими и домашними животными, и побежденными всегда оказываются дикие животные.

Вот почему права И. Стеблева, которая утверждает, что «значительная часть туркменских сказок о животных посвящена изображению храбрости, находчивости и хитроумия таких зверей, которые по своей природе вовсе не являются ни храбрыми, ни умными, то есть торжеству домашних над дикими («Как коза и баран напугали волков», «Баран и волк») [Стеблева 1969: 6-7].

На наш взгляд, это не просто результат симпатии человека к домашним животным, не противоречие реальной действительности. Прежде всего, здесь необходимо учитывать басенный характер и аллегоричность изображаемого. В сказках этого типа народ выражал свою антипатию к социальным «хищникам» в человеческом облике. Бесспорно и то, что столкновение положительных (слабых) и отрицательных (сильных) героев сказок чаще обуславливается ситуациями, характерными для человеческого общества. Например, в сказке «Как коза и баран напугали волков» коза и баран встречаются с волками, когда те готовят плов. Обрадовались волки, уверенные, что «...пришло «мясо для плова» [Там же: 9], но у козы и барана есть голова мертвого волка, и поэтому они не только не пугаются, а, напротив, сами без промедления переходят в наступление.

Заключительный эпизод сказки таков:

«Тогда коза и говорит волкам:

— Не беспокойтесь, мяса у нас сколько хочешь. Поскорее варите плов!

— Где же это мясо? — спросили волки.

Тут коза и говорит:

— Пойди-ка, друг баран, возьми в мешке одну из волчьих голов. Положи её в плов.

Баран тотчас принес голову, лежавшую в мешке.

Тут коза спросила:

— Неужели из девяти волчьих голов ты сумел выбрать только эту! Ступай, принеси голову побольше!

Услышав это, волки подумали: «Эге, да это видно, пожиратели волчьих голов, как бы они и наши головы у нас не отняли». Испугались волки и

разбежались кто куда. А коза и баран съели плов и улеглись спать» [Стеблева 1969: 6–7].

Такое заблаговременное обеспечение положительных героев необходимыми средствами для победы над противником – характерная черта сказочной прозы вообще и туркменской в частности. Особенно часто это встречается в архитектонике волшебных сказок разнообразных чудотворных предметов. Наряду с различными функциями, которые выполняют атрибуты в соответствии с конкретными обстоятельствами, они активно содействуют созданию комических ситуаций и сатирических решений главных конфликтов в пользу положительных персонажей.

Основная идея в сказке раскрывается с помощью народного юмора. В приведенном эпизоде мы видим, что ярко выраженную комическую окраску народ придал последнему хитроумному вопросу козы, обращенному к барану. Вопрос, подтекст которого содержит не только сообщение, что они будто бы уже успели убить 9 волков, но и уверенность в заведомой глупости этих волков. И естественно, что описание притворной храбрости слабых и глупости сильных (когда волки принимают слова козы за чистую правду и обращаются в бегство, спасаясь от «пожирателей волчьих голов») вызывает одобрение, улыбку и смех слушателей, что и является непосредственной задачей сатиры.

Сатира имеет глубокий смысл: с её помощью народ высмеивает не хищных животных, а людей в их облики.

Подобное оформление идеи наблюдается в многочисленных сказках о животных. Это результат условно-поэтического отражения реальной действительности тех времен, свидетельство того, что «психологическая и социальная правда сказок при условности изображения людей в виде животных столь неотразима, что позволяет говорить о глубоком проникновении народного творчества в реальный мир социальных отношений и порядков» [Аникин 1959: 96].

Вот почему не только одной из самых характерных черт, но и бесспорной необходимостью является то, что животные в сказках общаются между собой

на человеческом языке, и, как правило, сталкиваются с конфликтами, присущими человеческому обществу. А. М. Горький подчеркивал: «Во всякой сказке есть элементы действительности: если бы, вы детям преподнесли сказку, где петух и кошка не разговаривают на человеческом языке, они не стали бы ею интересоваться» [Горький 1929, I: 8]. Закономерно, что в ряде сказок о животных не менее активную роль играет и человек, в частности охотник.

В сказках о животных народ чаще всего стремился разрешить социальные проблемы. Как отмечал В. И. Чичеров, «сказки о животных – очень древний вид народного эпоса. Но дошли они до нас преимущественно не в первоначальной форме, а в виде народной сатиры, выводящей людей под видом разных животных, и особых сказок для детей» [Чичеров 1959: 303]. Они пронизаны идеями свободолюбия и независимости («Змея и ворона»), дружбы и солидарности слабых в борьбе против несправедливости сильных («Как голубка, ворона, пчела и лягушка победили слона»), поддержки друг друга в беде («Бык, осел и лиса», «Баран и волк») и т. д.

Подобные идеи во многих сказках выражаются посредством народного юмора и сатиры, с помощью различных комических ситуаций, победителями из которых по традиции выходят животные, воплощающие народные идеалы. Поэтому правомерно будет заключить, что народная сатира в сказках о животных – своеобразный художественный способ отражения реальной действительности, что присущая им «аллегория... полнокровна, лишена абстрактности...» [Чичеров 1959: 304].

Как отмечалось, основной определяющий признак сказок, о животных – их басенный характер и аллегорическое отображение той или иной стороны реальной действительности, выражение сути выдвигаемой идеи в образах различных животных, новеллистический характер сюжетного оформления и несложное композиционное построение. Все это, естественно, влияет и на характер народной сатиры, так как она в сказках о животных находится под искусно и целенаправленно созданной «маской», проявляется в них в традиционно басенном стиле. Это в свою очередь неоспоримо доказывает, что

и письменная басенная традиция теснейшим образом связана со сказками о животных, а народная сатира, присущая сказкам о животных, – с литературной сатирой вплоть до её современной развитой формы.

Обычно сюжетом служит один случай, одно приключение, что обуславливает и простоту развития действия, и небольшой объем сказки. Гораздо реже рассказывается о двух случаях или двух приключениях, но и это обычно не осложняет сюжета. Специфическая особенность русских сказок этого жанра – многократная повторяемость одного и того же сюжетного элемента – в туркменских сказках встречается реже. В сказках о животных обычно развит диалог. В нем часто заключается суть сказки (например, в сказке «Лиса и падишах кур»).

История народа, климатические условия жизни оказали непосредственное влияние на фольклор. Так, если главными героями русских сказок о животных являются медведь, волк, лиса, заяц, журавль и другие, то в туркменских сказках о животных мы видим несколько других героев: льва, тигра, змею, джейрана, осла и шакала. Как в русских, так и в туркменских сказках все животные аллегоричны.

Аллегория – иносказание, выражение чего-нибудь отвлеченного, какой-нибудь мысли, идеи в конкретном образе. Так, лев – царь зверей – олицетворяет высшее сословие, угнетавшее бедняков, дайхан (крестьян). Змея – символ коварства, покровительства, она часто «гипнозирует», делает слабых ещё более униженными и угнетенными. Ворона – символ любопытства, сплетнических пересудов. Баран – олицетворение глупости и безволия.

Аллегорическая форма сказки несла в себе возможность широких обобщений, многозначных умозаключений, которая облегчала скорейший выход к реализму.

В целом сказки о животных – это жажда справедливости в общественной жизни, противопоставление угнетению народа, обличение тунеядцев, казнокрадов, лжецов, социальной несправедливости.

Сказки туркменского народа невозможно разделить по темам: на философские, социальные, нравственные, бытовые. Они выразили мудрость народа, а мудрость сопротивляется подобным операциям – в ней неразрывно спаяны жизненные идеалы и доброта. Из двух важнейших элементов жанра сказки о животных – жизненной картины и нравоучения, на первое место выдвигается образное изображение определенных взаимоотношений «персонажей», а мораль сужалась и приобретала все менее нравоучительный характер, ибо выводы вытекали сами собой из картин. Нравоучение высказывается в прямой форме какого-либо афоризма, вывода и подтверждается небольшим повествованием, в котором используются олицетворения, а действующими лицами обычно выступают животные, растения, вещи.

Композиция туркменских сказок в общем проста и несложна (это высказывание целиком и полностью относится к сказкам о животных), исключение в этом отношении представляют некоторые довольно сложные волшебные сказки и, реже, новеллистические сказки. Композиция сказок часто зависит от памяти рассказчика. Есть сказки слабые в композиционном отношении и в противоположность им – сказки, в композиционном отношении представляющие собой безукоризненные художественные произведения, где тщательно разработаны все детали, не исключая и второстепенные. На таких сказках, безусловно, сказался талант их сказителей – мастеров художественного слова. В этом отношении очень много дает сличение сказок с одним и тем же сюжетом, записанных от разных сказочников.

Как и в сказках других жанров, в туркменских сказках о животных довольно часто встречаются загадки, пословицы и песни. Песнями особенно богаты сказки о животных. В сказках новеллистического характера они встречаются реже. Содержание песни всегда находится в тесной связи с сюжетной линией сказки, вводится для оживления, украшения и эмоционального воздействия. Песню нельзя переставлять с места на место, из

сказки в сказку. Ни одна из песен, существующих в сказках, не исполняется отдельно от сказки. Вне её она теряет свой логический смысл.

Так, в сказке «Как жучиха вышла замуж» рассказывается, как жучиха упала в колодец и кричала оттуда, чтобы сообщить об этом её мужу – мыши:

*«Эй, всадники!
Кони скачут гуруп-гуруп,
Звенят их стремена.
Поезжайте к юрте хана,
Справтесь у хана,
Узнайте, где Сюйли-бег,
Скорее приведите его».*

Мышь не может поднять из колодца жучиху и, плача, говорит – напевает следующие слова:

*«Мир мне причинил страдание,
Разлучил меня с любимой моей.
Катышек остался после неё.
Оставила Беки-сенем меня одного,
Твое имя – Гюлгюль-Джуван.
К сожалению, ушла ты. Открыв глаза,
Если не увижу твоего смеющегося лица,
Как проживу я без тебя, Сенем?
Кучами собрав помет,
Собирая всех своих близких и родственников,
Устрою я угощение, как следует,
Ты будь уверена, устрою я, Сенем».*

В сказке «Две лисы» слепая чесоточная лиса, натёршая найденной копеечкой глаза и тело и выздоровевшая, потом радостно поет:

*«Одну копейку я нашла,
Глаз мой потеряла, -
Открылся мой глаз,*

*Здоровой стала душа моя.
Ногу мою в нору просунула, -
Сапоги получила.
Через арык перескочила,-
Всадником стала.
На холм взобралась,
Достигла ханского сана.»*

Песня в сказках о животных занимает важное место. Поет перед кошкой глупый мышонок, думая усюветить её, поет хвастливая ворона, поет лиса, подманивая волка к капкану. Обманутый волк, голодный и избитый, в песне изливает свое горе. Веселая сказка «Джикджики» перевита, как серебряной нитью, песенкой птички Джикджики. Во всех этих сказках песня является элементом оживления, чрезвычайно красит и разнообразит сказку.

Частое включение песен в текст сказочного повествования является, по-видимому, одним из характерных признаков туркменской сказки и, может быть, вообще сказки восточной.

2.3. Традиционные мотивы туркменских сказок о животных

Многие сюжеты и мотивы в сказках о животных являются общими для сказок многих народов (уженье хвостом рыбы, кража лисою масла и др.), но эти общие мотивы детализируются в зависимости от хозяйственного уклада той среды, в которой они рассказываются и развиваются на фоне быта данной национальности. То же наблюдаем и в туркменских сказках.

Мотив зверя–кормильца в туркменских сказках встречается редко. В такой роли здесь выступает только коза – одно из первых одомашненных животных. Мотив этот почти всегда сопровождает рассказ до рождения Искандера: его брошенного матерью в степи или в горах, кормит коза и, по некоторым вариантам, охраняет львица. Коза является кормилицей также в тех сказках, где по сюжету убивают беременную мать, в могиле рождается ребёнок, его приходит кормить коза (например, «Многознающий сам умрет»). Этот

мотив почти полностью перешел и в эпос «Гёроглы». Оригинальное преломление мотива зверя-кормильца представляет сказка «Сын-щенок». Одна из жен царя родила сына с золотой головой и серебряным задом; другие жены, завидуя, похитили ребенка и подложили вместо него щенка. Царь приказал закопать живыми жену и щенка. Щенок прокопал в могиле отверстие наружу. Днём царица кормила его своим молоком, а ночью он приносил ей еду, различные драгоценности, потом нашёл и похищенного сына.

Как и в сказках других народностей, в туркменских сказках широко распространен *мотив зверя-помощника*. Звери–помощники фигурируют в доброй половине волшебных сказок. Из птиц помощниками являются орел, сокола, голубь, попугай и фантастическая птица – сымрух, из диких животных – тигр, леопард, лев, лиса, волк, шакал, джейран, мышь; из домашних - лошадь, собака, кошка, корова или теленок, козел, значительное место отводится змее, иногда рыбе. Значение волка в туркменской сказке, гораздо уже, чем в русских. Ему никогда не дается такой центральной роли, как, например, в сказке об Иване-царевиче. В туркменской волшебной сказке волк выводится редко, роль его не так велика, и даже, пожалуй, не вполне устойчива, например, в сказке «Белая птица», где роль волка значительнее, чем в других он помогает царевичу овладеть конем-белой птицей, оживляет его самого, но делает это то в собственном образе, то превращаясь в кошку.

Широко распространен в туркменских волшебных сказках мотив превращения в зверя.

Мотив оборотничества соединен с мотивом веры в заклинания, в магическое значение слова. Путем заклинания разоблаченная жена-изменница превращает мужа в собаку, а он ее впоследствии превращает в ослицу («Как нашли золото Султан-Суюн и Мирали Шир» и другие); парень, обиженный падишахом, превращает последнего в корову, а его свиту в быков («Брезгливый человек»); девушка-пери, желая отделаться от нежелательного ей брака с падишахом, превращает его во время купания жука. На основе оборотничества в одной из сказок развивается интересный эпизод мошенничества. Падишах,

научившийся искусству оборотничества, учит этому своего визиря. Однажды, шутя, падишах превратился в попугая, а визирь – в самого падишаха. Тотчас же визирь поймал попугая, посадил его в клетку и занял место падишаха. Тот едва смог освободиться и вернуть себе прежний вид («Падишах и визирь»).

Животный мир туркменских сказок чрезвычайно разнообразен. Часть животных, действующих в них, та же, что и в европейских сказках: лисицы, кошки, волки, бараны, лягушки, мыши, змеи. В большинстве случаев они в туркменских сказках наделены теми же, чертами характера, что и в мировом фольклоре: лиса также хитра, волк жаден и глуп, и т. д. Но в некоторых случаях характеристики животных, даваемые туркменскими сказками, отличны, а от характеристик, получаемых ими в сказках других народностей. Перейдем к описанию конкретных образов.

2.4. Образ лисы

Как и в русском фольклоре, в туркменском фольклоре о животных наибольшую популярность имеют сказки с участием лисицы.

Необходимо отметить также двойственность характеристики лисицы в туркменских сказках. Являясь в сказках о животных воплощением хитрости и лживости, лисица в волшебных сказках приобретает черты покровителя и помощника человека. Вероятно, сатирическая характеристика лисицы в сказках о животных – это явление более позднего времени, когда произошло уже освобождение человеческого сознания от тотемного культа животных.

Одна из самых распространенных туркменских сказок – «Лев и лиса». Лев – царь зверей – болен. Все животные приходят навестить его, но никто не выходит из логова льва живым. Лиса решила перехитрить льва и говорит, что у ручья собрались волки, которые ждут, не дождутся смерти его величества. Так разъяренный лев выпрыгивает из логова и с размаха бросается в реку и тонет. Мораль сказки – попытаешься завоевать все, не получишь ничего.

Лиса — притворщица, воровка, обманщица, злая, неверная, льстивая, злопамятная, ловкая, мстительная, хитрая, корыстная, расчетливая, жестокая. В сказках она всюду верна этим чертам своего характера.

В литературе о сказках нередко встречается утверждение, что сказками о животных, в том числе и теми, которые говорят о плутнях хитрой лисы, народ как бы осудил общечеловеческие пороки. С этим мнением можно согласиться только наполовину. Дело в том, что сказки, как всякое древнее произведение фольклора, переходя из века в век, теряли черты, которые связывали их только с каким-либо одним временем.

Сказки приобрели емкий всеобщий смысл, соотнесенность с целым рядом аналогичных социальных явлений. Это, однако, не означает, что в сказках всегда имелись в виду общечеловеческие пороки. В какого рода людей целилась сказка о лисе, станет ясным, если вспомнить сказку «Лиса и бай».

Шла лисица во двор бая, желая поживиться курятиной. Петух лису увидал, крыльями замахал и запел — на весь двор зашумел. Сбежался народ — лиса едва ушла. Под куст упала да три дня там пролежала — едва отдышалась.

Вот пошел петух в чистое поле, взлетел на высокое дерево, сел и сидит. А лисица отлежалась, пошла по чистому полю. Идет мимо того дерева, видит — сидит петух.

— Что, вор-петух, по своей ли охоте летаешь или за нами, зверями, наблюдаешь?

— Э, мать-лисица! Я по своей охоте летаю и ни за кем не наблюдаю.

— Что, вор-петух! Без покаяния помрешь. Я тебе добра хочу — на истинный путь наставить и разуму научить. Вот ты имеешь у себя пятьдесят жен, а на исповеди ни разу не бывал! Слезай ко мне и покайся, а я все грехи с тебя сниму.

Петух умилился, слетел на землю. Лиса его крепко в когти схватила.

— Что, вор-петух! Попался! Не быть тебе живу, — принялась петуха трепать.

А петух говорит лисе:

— О, мать-лисица, пощади! Не могу ли тебя, мать моя лисица, упротить своим прошением? Будет тебе великая плата – принесу я тебе своих курочек – жен, цыплят и яички.

Приослабила лисица когти, а петух — порх на дерево и закричал сверху громко:

– О, мать-лисица, не видать тебе ни курочек, ни цыплят моих родненьких! [Туркменские народные сказки 2006: 67]. Так осталась лиса с носом, упустила она свою поживу.

Сказка «Ворона и Лисица» повествует о том, как два льстеца и обманщика намеренно стараются обмануть друг друга. Это – сама живая жизнь, ее реальные черты, позволяющие уйти от определенной схемы нравоучительности.

2.5. Образ волка / шакала

Пользуются популярностью сюжеты о взаимоотношениях лисы и волка. Наибольшей любовью пользуется сказка о том, как волк подобрался к гулявшим друзьям – ослу, козлу, петуху и жуку, а те уговорили его подождать, пока они растолстеют и впоследствии отколотили волка. На тот сюжет записано 10 вариантов. Затем следует сюжет о волке-дурне, обманутом всеми животными, которых он собирался сожрать, и, которого, наконец, бьет копытом лошадь, 9 вариантов и 8 вариантов записано на сюжет «Как жучиха выходила замуж».

Так, совершенно изменена характеристика шакала в сравнении, например, со сказками индусскими. Там шакал обычно рисуется таким же хитрым, как и лиса. Даже лев, царь зверей, имеет шакала своим советником, и шакал, подобно лисице, лукав, коварен, происки его губят тех, животных, которые мешают его личным интересам.

В туркменских сказках его характеристика совпадает с волчьей. Во многих сказках происходит замена: одни рассказчики вводят волка, другие на его место – шакала.

Любима народом сказка «Шакал и петух», высмеивающая жадность, скупость, лесть. Она рассказывает о том, что самоуверенность, безмерная гордость, самолюбие, эгоизм ни к чему хорошему не приводят. Они аллегоричны и передают худшие качества человеческой личности.

Феноменальная глупость порочит волка. В таком изображении выразились не столько реальные особенности того человеческого типа, которые собой олицетворяет волк, сколько отношение к нему.

Задумаемся над тем, почему волк принимает удары судьбы. Почему волк всегда терпит неудачу? Как и в русских сказках, так и в туркменских он всегда умирает. Социальный прототип этого сказочного персонажа становится ясным. Народ знал немало лиходеев и преступников, от которых ему приходилось тяжело.

Сказки о волке не скрывают, кого они имеют в виду. Существует сказка, иносказание которой так прозрачно, что в ней легко разглядеть тех, кого народ наделил волчьей повадкой и нравом.

В сказке «Ненасытный волк» говорится о том, как этот зверь пришел к дому крестьянина и завыл:

Хорош, хорош дворец,

Соломенный крыша.

Затем в волчьей песне перечисляется все, что есть у крестьянина: семь овец, жеребенок, бычок, телушка, кошечку, собачку, мальчика и девочку. Исследователи сказок имели все основания связать такого рода песню с обычаем песнопений во время религиозных праздников: на курбан-байрам дети пели песни для хозяев дома, куда приходили за сладостями, желали им всякого добра и просили за пение награждения — пирога, денежку и пр. В сказке волк требует непомерного вознаграждения: сначала — овцу, за ней другую — всех перебрал, добрался, наконец, и до людей. Всех погубил и старика бы съел, если бы тот не взялся за лопату и не распорол брюхо волку. Ирония вымысла состоит в обыгрывании народного обычая.

Но это не мешает нам почувствовать, что в сказке имеются в виду бесконечные поборы, которые взимали с крестьянина его угнетатели. Волк заметил: крестьянин живет богато — «хорош, хорош дворец», взял и разорил его.

Все туркменские сказки о животных можно разделить на две части. Первая часть – это те сказки, в которых животные выступают самостоятельно, не являясь маской или иносказанием. Обычно эти сказки самые простые, иногда даже немного наивные. Часто здесь хищники противопоставляются домашним животным. Последние, более слабые физически, являются, однако, более догадливыми и умными и всегда одерживают верх над хищниками. Интересно, что лиса обычно действует против хищников, в союзе с домашними животными, исключая, конечно, птиц. В целом эта группа сказок представляет собой бесхитростные рассказы, которые с особенным удовольствием слушаются детьми.

Вторую группу составляют сказки, в которых животные представляются символическими или аллегорическими образами. Это всегда сказки сатирического или дидактического характера. Начиная с весёлой насмешки над комическими чертами человеческого характера вообще, они переходят в осмеяние отрицательных черт представителей эксплуататорских классов («Кошка имам», «Как лисица ходила в Мекку на покаяние» и др.). В сказках этого типа встречается поучение. Являясь созданием более позднего времени, когда общество уже дифференцировалось на классы, эти сказки отражают классовые противоречия.

Имеются сказки и промежуточного характера, где животные ещё не потеряли своего реального облика, но сказка уже несет в себе элементы иносказания.

Своеобразным видом промежуточной сказки является сказка «Осёл, козёл, навозный жук и петух». Это общераспространённый сюжет о том, как домашние животные прогнали волка. Туркменский вариант рассказывает:

– Когда волк, готовясь съесть осла, спросил его: «Какие у тебя самые вкусные места?» – тот ответил: «Мясо между задними ногами». Волк сунул голову, осел зажал её между ног, козел стал бодать волка, петух бить крыльями, а жук подрывать землю у его ног. Вырвавшись, волк так рассказал об этом товарищам: «Какой-то проклятый в сером халате чуть не задушил меня, другой в черном халате лбом долбил, какой-то маленький в красном халате рост мой мерил, а ещё кто-то могилу для меня рыл. Чтоб им кибитка на голову рухнула». По другому варианту, петух «намаз делал», лягушка «народ созывала», жук «могилу рыл», фаланга «саван ткала»

С одной стороны, животные здесь являются именно животными, а не аллегорическим изображением людей, они только животные так сказать очеловеченные. С другой стороны, очеловечение идет дальше обычного. Животные даже по внешнему виду похожи на людей, их шкура и оперение рассматривается как человеческая одежда - халат. Кроме того, очеловечиваются естественные движения животных: петух не крыльями бьет, как это делает обычно петух, а «рост мерит», жук «могилу копает» и проч. Это явление редкое как в туркменской сказке, так и в других. В удмуртской сказке «Дом кота») мы имеем уже полное завершение этого процесса очеловечения. Кот пустил в свой домик различных животных. Слепой медведь вломился без разрешения. Подошёл он к лавке – его боднул козел, подошел к шестку – клюнул гусь, полез на печку - царапнул кот, полез на полати – толкнул петух. Медведь потом рассказывал: «Там баба лепешки пекла, сковородником ударила, на шестке девочка ущипнула, хотел на печку влезть – старушка царапнула, хотел на полати забраться – девушка ударила».

2.6. Другие животные

Тигр в туркменских сказках также благожелательно настроен к человеку. Среди стариков еще можно услышать рассказы о случаях покровительства тигра тому или иному охотнику, будто бы наблюдавших в старину. Наличие этих мотивов наблюдаем и в туркменских волшебных сказках, где герой вынимает

занозу из лапы тигра или льва (последнее бывает реже), и могучее животное потом выполняет все его просьбы.

Очень часто в действие сказки выводится змея. Это вполне естественно, так как культ змей очень древнего происхождения существовал почти у всех народов мира. Роль змеи в сказках двойственна. Часто человек оказывает змее, особенно маленькой, помощь, и она или ее родные потом помогают ему. Не менее часто выводится змея в образе и значении, тождественном со значением дракона: пожирает людей, прекращает доступ к воде, губит посевы, скот. Другие змеи являются оборотнями, превращаются в юношей-красавцев и требуют себе в жены девушек. Может быть, эта двойственность в трактовке змеи явилась результатом влияния религиозных верований различных народностей, соседних с территорией современной Туркменистана. Наслоение таких верований в различных сюжетах и дало в результате противоречивый образ змеи, игравшей когда-то в религиозных воззрениях древнего человека такую выдающуюся роль, что ее образ был перенесен не только в полуисторические предания, но и в религию высших культурных народов. Может быть, на создание двойственного образа змеи оказало влияние и такое простое обстоятельство, что, являясь по старинным поверьям воплощением мудрости, змея в действительности проявляла себя как очень вредное животное, что особенно ярко было заметно в пределах Средней Азии, с ее пустынно-песчаными пространствами. Из культа змеи, вероятно, создались и фантастические образы драконов, перешедшие в сказки всех народов. Змея играла важную роль и в народной медицине. Широко распространен мотив – съевший кусок змеиного мяса получает способность понимать язык животных и растений. В туркменских сказках эту способность иногда дает камешек или платок, находящийся под языком змеи. Иногда ее получают в дар от пророка Сулеймана – высшего повелителя всех животных, птиц насекомых и гадов, в том числе и змей.

Почетное место в волшебных сказках занимает *конь*. Помогая человеку, конь не останавливается ни перед какими и затруднениями, встречающимися на

пути выполнения сложного задания. Роль коня в туркменских волшебных сказках тождественна с его ролью в других восточных сказках и в сказках русских. Конь, как известно, играл крупнейшую роль в героическом туркменском эпосе и впоследствии в классической литературе, уважение и любовь к коню в словесном искусстве туркмен, в том числе и в волшебной сказке, выражены ярко и красочно.

Из других домашних животных значительное место принадлежит *собаке*. Она выводится в сказках редко, но ее тотемистическое значение, как духа – защитника выступает очень четко, особенно в тех сказках, где она помогает человеку одолеть дэва (дэва) – олицетворение злых духов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный нами сравнительный анализ русских и туркменских народных сказок о животных показывает, что почти нет такого сюжета, который не был бы известен каждому из этих народов. Однако, в каждом случае сказка – явление глубоконациональное, отражающее специфику концептуальной и языковой картины мира.

Мир фольклора, основы национального художественного творчества складывались у русского и туркменского народов по-своему. Особенности культуры, географического положения, истории народа отразились на особенностях фольклора: его стиле, языке, отражающем бытовые привычки людей, устойчивые черты их психического склада, оценочные суждения о добре и зле. Распространение произведений фольклора в пределах национальной территории привел к упрочению национальных примет художественного творчества.

Общность давних традиций сказочного фольклора у восточных славян подтверждается многочисленными наблюдениями. Совпадение же в сюжетах, образах, мотивах, наблюдаемое в фольклоре русского и туркменского народов, выразило связь традиций устного творчества в эпоху образования наций с предшествующим народно-племенным творчеством.

Неповторимо своеобразный поэтический мир сказок каждого народа складывается из живых подробностей и деталей, передающих смысл образов, живущего в сознании тысяч людей.

«Элементами действительности» в сказке оказывается не только косвенная истина изображения, про которую В. Я. Пропп писал: «Такие животные, как лиса, волк, медведь, заяц, петух, коза и другие, есть именно те животные, с которыми имеет дело крестьянин...» [Пропп 1968: 62], но и суть повествования.

Три фактора влияли на поэтический стиль сказок о животных: связь с древними поверьями о животных, воздействие социальной иносказательности и, наконец, возобладавшее детское начало.

То, что сказкам о животных исторически предшествовали предания и рассказы о животных, привело к верному и точному воспроизведению в них некоторых существенных повадок зверей даже после того, как действия животных стали восприниматься как людские действия.

В сказках множество таких деталей в изображении зверей и птиц, как постукивание лисы хвостом или воинственность петуха, которые зорко подсмотрены народом в жизни настоящих зверей и птиц. Например, сказочная лиса, как и настоящая лиса, живет в норе и любит наведываться в курятник. Попав в глубокую и узкую яму, она не может выбраться из нее. Лиса не может просунуть голову в узкий кувшин. Реальный медведь могуч и силен.

Иносказательность в сказках, когда она приобретает чисто условные формы, напоминает басенные аллегории. Отсутствие отвлеченных басенных аллегорий придает сказкам о животных емкий художественный смысл. Голодный кот Котофей Иванович — воевода из сибирских лесов — кинулся «рвать мясо зубами и лапами, а сам мурчит, будто сердится». Правдоподобие этой сцены не подлежит сомнению. Иносказательный смысл ее заключается в том, что мурчание кота медведь и волк понимают как бормотание: «Мало! Мало!» Медведь говорит: «Невелик, да прожорист, нам четверым не съесть, а ему одному мало; пожалуй, и до нас доберется» [Пропп 1968: 62].

Каждая из сказок о животных воссоздает богатыми подробностями бытовые истории. Речь зверей и птиц, внутренние мотивы их поступков, действия, самая житейская обстановка — все свидетельствует об обыденном и привычном. Сказочные герои живут жизнью крестьян.

Таким образом, сказки о животных, как и у русского, так и у туркменского народа служат великой цели — воспитанию добра, честности, нравственности, простоте. Язык сказок прост и понятен не только малограмотному населению сел, но и детям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаев Д. У., Тайлиева Л. А. Туркменская литература. – Ашхабад, 1992.
2. Азадовский М. К. Литература и фольклор. – Л., 1938.
3. Аникин В. П. Русская народная сказка. – М., 1977.
4. Аннанепесов М., Тайлиева Л.А. Туркменская литература. – Ашхабад, 1984.
5. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки, т. I. – М., 1957.
6. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
7. Бахтина В. А. Эстетическая функция сказочной фантастики. Наблюдения над русской народной сказкой о животных. – Саратов, 1972.
8. Вопросы советской литературы, вып. IV. Фольклор в русской советской литературе. М.— Л., 1956.
9. Выходцев П. С. Русская советская поэзия и народное творчество. – М. – Л., 1963.
10. Героглы Х. Огузский героический эпос и фольклор. – М., 1976
11. Джурдеков Т. Внук, воплотивший мечту деда. – Ашгабад, 2010.
12. Елеонский С. Ф. Литература и народное творчество. – М., 1956.
13. Зеленин Д. К. Великорусские сказки Пермской губернии. - Л., 1914, № 80.
14. Каррыев Б.А. Эпосы, легенды и сказания. Туркменский юмор. – Л., 1994.
15. Классики туркменской поэзии. – М., 1955.
16. Костюхин Е. А. Типы и формы животного эпоса. – М., 1987.
17. Краткая литературоведческая энциклопедия. – М., 1975.
18. Литературный энциклопедический словарь. – М., 1987.
19. Максимов П. Горские сказки. – М., 1957.

20. Мариничева Ю. Ю. Русские сказки о животных: историография, сюжеты и персонажи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.09.-10. – СПб., 2012. – 16 с.
21. Мариничева Ю. Ю. Русские сказки о животных: система персонажей // Антропологический форум: On-line версия. СПб., 2011. - № 15 (<http://anthropologie.kunstkamera.ru/07/15online/>).
22. Матвийчук Н. Ф. Творчество М. Горького и фольклор. – Киев, 1959.
23. Материалы по туркменской литературе. – Ашхабад, 1986.
24. Материалы по туркменской литературе. – Ашхабад, 1997.
25. Народные русские сказки. – М., 1979.
26. Платонов А. Волшебное кольцо: Сказки, рассказы. – М., 2007.
27. Платонов А. Неизвестный цветок: Рассказы и сказки. – М., 2007.
28. Померанцева Э. В. Русская народная сказка. – М., 1963.
29. Померанцева Э. В. Русские народные сказки. – М., 1957.
30. Попова А. М., Виноградов Г.С.. Медведь в воззрениях русского старожилото населения Сибири. – М., 1936.
31. Пospelов Г. Н. Введение в литературоведение. – М., 1988.
32. Пospelов Г. Н. Теория литературы. – М., 1978.
33. Пропп В. Я. Принципы классификации фольклорных жанров // Пропп В.Я. Фольклор и действительность. – М., 1989. – С. 173–184.
34. Пропп В. Я. Русская сказка. – Л., 1984.
35. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. – М., 1968.
36. Пушкин А. С. О народности в литературе // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 томах. – Т. 7. – М.: 1964.
37. Русские народные сказки. – М., 1978.
38. Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: волшебные и о животных. – Новосибирск, 1993.
39. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Т. I. От стимула к рекции: Ок. 7000 стимулов. М., 2002

40. Русское народное поэтическое творчество. – М., 1971.
41. Сакали М. А. Туркменский сказочный эпос. – Ашхабад, 1956.
42. Соколов Ю. М. Русский фольклор. – М., 1938.
43. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. – Л., 1979. – Электронный ресурс : <http://ruthenia.ru/folklore/sus/index.htm>.
44. Тейлор Э. Первобытная культура. – М., 1939.
45. Тимофеев Л. И. Основы теории литературы. – М., 1971.
46. Туркменские народные сказки. – Ашхабад, 2006.
47. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – 3-е изд. – СПб.; М., 1996.
48. Халмухаммедов Ш. Система образов туркменской сказочной сатиры. – Ашхабад, 1990.
49. Чичеров В. И. Литература и устное народное творчество // Чичеров В. И. Вопросы теории и истории народного творчества. – М., 1959.
50. Юсупов Н., Юсупова Д. Туркменский язык и туркменская литература. – Ашхабад, 1992.
51. Türkmen halk ertikleri. – Aşgabat, 2006.